

2. Сцяцко, П.У. Культура мовы / П.У. Сцяцко. – Мінск: Тэхналогія, 2002.– 445 с.
3. Чуковский, К.И. От двух до пяти / К.И. Чуковский.– М.: Худ. лит., 1960.– 462 с.

Маслова В.А. (Витебск)

ЯЗЫК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖИВОТНОГО, РАСТИТЕЛЬНОГО, ОБОНЯТЕЛЬНОГО И ДРУГИХ КОДОВ

Идея видения языка сквозь призму кодов берет начало в трудах В. Телия, В. Красных, Д. Гудкова, М. Ковшовой и других лингвистов. Это одно из перспективных направлений исследования в лингвокультурологии и методике обучения языку инофонов. **Цель** доклада – попытка понять механизм того, как объекты реального мира (*дом, собака, голова, орел* и под.), помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т.е. становятся носителями дополнительной информации. Как объяснить это явление с прагматических позиций? Для чего это нужно человеку? Понятие кода пришло в лингвистику из семиотики, оно основывается на законе соответствия плана содержания плану выражения. Кодом задается значимость знака, а интерпретатор (пользователь) эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора. Известно, что наше сознание неоднородно. Наряду с логическими структурами в него входят так называемые пра-логические, т.е. архаические структуры. Все аспекты сознания находят отражение в языке, есть в нем и единицы, связанные с архаическими структурами сознания – **коллективными представлениями** (по Л. Леви-Брюлю), являющимися частью коллективного бессознательного. Этот термин предложен Э. Дюркгеймом, представителем французской социологической школы, а наполнен содержанием Л. Леви-Брюлем, который писал: “Если обычаи обязательны и почитаемы, следовательно, коллективные представления, которые с ними связаны, носят императивный характер и оказываются не чисто интеллектуальными фактами, а чем-то совершенно иным” [4, с. 29], т.е. культурными установками. Коллективные представления принадлежат к архаическому типу мышления и отличаются крайней эмоциональной интенсивностью, они не только мыслятся, но и переживаются. Именно через пра-логические структуры и передается культурный опыт нации. Рассмотрим для примера отношение к **собаке**, наименование которой стало у славян компонентом множества фразеологизмов, пословиц, поговорок, сказок, загадок, легенд, прочно вошло в нашу жизнь. Широко распространены в русском языке так называемые “собачьи” метафоры – *собачиться, грызться, выть, огрызаться, оцетиниваться, перебеситься, подкусить, подлизываться, рычать, скулить, таякать*; известны многочисленные фразеологизмы: *собака на сене, гонять собак, вилять хвостом, собачий голод, собачий холод, как собаке пятая нога, сукины дети, бросать собаке под хвост, собачья жара, собачий холод* и др., – имеющие негативную оценку.

У всех восточных славян, впрочем, как и у некоторых других народов, существует много пословиц, где главным “действующим лицом” выступает собака: русские пословицы типа *Ласковая собачка и во сне хвостиком виляет; И собака на того не лает, чей хлеб ест; Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой; При верном псе сторож спит; Какая на собаке шерсть, такая ей и честь*; белорусские пословицы – *Добры сабака на вецер не брэша; І сабака памятае, хто яго корміць; Добры сабака лепі за ліхога чалавека* и др.

Почти все приведенные здесь выражения понятны, имеют простой образ, яркую внутреннюю форму, не противоречат здравому смыслу, вероятно, потому, что основаны на наблюдениях и опыте человека.

Но часто эмпирическое восприятие животного осложняется мифологическим переосмыслением образа собаки. Это расширяет семантический потенциал данного слова, которое обрастает **культурными коннотациями** (термин В.Н. Телия). Чтобы

верно истолковать такие выражения, как *вешать собак*, *собачий вальс*, *устал как собака* (хотя на собаках у нас не сеют и не пашут), *съесть собаку* и подобные, нужно знание мифа, архетипа, которые наложили отпечаток на семантику этих выражений. И здесь мы полностью солидарны с З. Фрейдом, который писал, что “человеческая культура возведена из кирпичей давно забытого мировосприятия” [8, с. 163].

С одной стороны, с собакой связано доброе начало, и это нашло отражение в картине мира и языке славян: *собачья верность*, *собачья преданность* (о верном, преданном человеке), *собаку съесть* (об опытном человеке); *дзе сабака зарыты* (установить суть дела), *сабака не параскочыць* (об очень большом); а с другой стороны, собака – воплощение зла: *собачья злоба* (об очень злобном человеке), *сдохнуть в подворотне* (о смерти бездомного, неприкаянного человека), *как собаку* (без всякой жалости); *распицца на сабачую пугу* (совершенно), *хоць на сабаку вылі* (о невкусной еде) и т.д. Семантика второго ряда фразеологизмов формируется с учетом того, что в мифологической картине мира славян собака занимает крайне низкое положение и причисляется к нечистым существам, более того, в народном сознании она часто отождествляется с дьяволом.

Русские и белорусские крестьяне вплоть до XX века не пускали собаку в избу, которую она якобы способна осквернить; нечистое тело похороненной собаки вызывало гнев земли и вело к бедствиям, поэтому собаку нельзя было хоронить. Соответственно, хоронили собак в укромных местах, найти которые было трудно. Отсюда фразеологизм *где собака зарыта* в значении “раскрыть первопричину событий, причину бедствия”. Верой в нечистоту собаки объясняется до сих пор сохранившееся поверье, что если ребенок съест кусок хлеба, обнюханный собакой, он заболевает.

Думается, что амбивалентность образа собаки в славянской культуре (в первую очередь русской и белорусской) объясняется несколькими факторами. Хотя собака сблизилась с человеком “как паразит, поедавший отбросы около человеческих стоянок” [7, с. 5], но у многих индоевропейских народов существовало отношение к ней, как к животному, наделенному божественной силой: “Собака – символ смерти, хтонических и лунных божеств и олицетворяется триадой “земля – вода – луна” [5, с. 114].

С одной стороны, в белорусских сказках “Собака и волк”, “Война волка с собаками” собака выступает как умный и преданный помощник человека [1], а с другой – собака, пес часто оказывается субъектом брани у славян: *собачиться* (браниться непристойными словами), *собачливый* (тот, кто матерится) – у русских; *псаваць* (портить), *з роту сабакі скачуць* (о сквернословие) – у белорусов; *psia krew* (собачья кровь – ругательство), *psi syn* (собачий сын – ругательство) – у поляков.

Кроме того, собака – архетип обмана, он формирует семантику таких славянских выражений, как *брехать* (обманывать – просторечие), *сука* (человек, нарушивший клятву, обманувший – воровской жаргон); *ілжэ як сабака* (о лживом человеке), *сабакам падыты* (лживый человек).

В христианской культуре собака ассоциируется с язычниками: “Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям; ибо не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она же сказала Ему в ответ: так, Господи; но и псы под столом едят крохи у детей” (Марк, УІІ: 27 – 28). Собака здесь – это иноверец. Ср.: *собака-татарин* у Л.Толстого. Фразеологизм *собачья смерть* означает смерть без христианского покаяния. Ср. поговорку *Собаке – собачья смерть*.

Несмотря на сходство в основном, русские и белорусы тоже по-разному воспринимают собаку: если в русском языковом сознании с собакой связано довольно много положительных качеств личности – *собачья преданность* (о преданном человеке), *собаку съесть* (об опытном), то для белорусов фразеологизмы с компонентом *сабака* почти сплошь являются носителями негативной оценки, отрицательной коннотации – *з роту сабакі скачуць* (о сквернословящем человеке), *ушыцца ў сабачую скуру* (о негод-

ном, ленивом человеке), *сабакам падшыты* (о плохом человеке), *у сабакі вачэй пазычыць* (о бессовестном человеке), *сабакам сена косіць* (о скрывающемся от семьи, занимающемся пустым делом человеке), *за сабаку* (о плохом человеке), *собаке под хвост* (о пустом деле), *была ў сабакі хата* (отрицательный ответ о существовании чего-либо), *што пан – то сабака* (о плохом человеке) и др. Таким образом, язык фиксирует особенности национального самосознания, национальной картины мира.

Итак, мы подробно рассмотрели лишь одну единицу зоологического кода, который вырабатывается и функционирует в культуре. На самом деле, он широко распространен в славянской культуре: о хитром человеке говорят: *Ну и жук!* О сладко и много спящем человеке – *Спит как сурок*; о дюжей и ловкой женщине – *конь-баба*, о плохой матери, отдающей своих детей на воспитание, – *кукушка*, о красивых и стройных женщинах – *лебедушка*, об угрюмом человеке – *сыч*, о хорошо поющем – *соловей* и т.д. У славян в названиях многих растений можно наблюдать “одомашнивание” природы, приближение ее к человеку, что тоже основано на зоологическом коде: *заячья капуста*, *волчья ягода*, *гусиная лапка* и др.

Таким образом, под кодом культуры понимается “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его” [3, с.232]. Коды культуры связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Они универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. Не только культура, но и язык выступает как совокупность различных кодов.

Выделяют целый ряд кодов культуры, репрезентированных в языке: космогонический (*быть на седьмом небе*, *небо призывает*, *белый свет*, *луч надежды*, *река забвения*); соматический (*голова колонны*, *третий глаз*); пространственный (*правое дело*, *левый заработок*); количественный (*тридцатое царство-государство*, *в три ручья*, *в три погибели*, *семеро по лавкам* (в значении “много детей”), *за семерых* (много), *на семи ветрах* (о находящемся на пересечении дорог); временной (*на октябрьские*, *перед Рождеством*), предметный (*звездь программы*); природно-ландшафтный (*лес рук*, *подошва горы*), архитектурный (*мосты дружбы*, *храм науки*), гастрономический (*мед*, *соль земли*), обонятельный (*запах крови*, *пахнуть войной*, *дохнуло страхом*), код одежды (*до положения риз*, *засучив рукава*, *родиться в рубашке*) и др. Геометрический код: *сделать круглые глаза* – удивляться; *круглый отличник*, *круглые сироты*, *круглые дураки*, *обвести вокруг пальца*, *расчеты округляют*. Многое в кодах кажется на первый взгляд странным. Например, в русском языке, где процент “морского” населения невелик, широко распространен “морской код”: *всплыть в памяти*, *океан чувств*, *на всех парусах*, *буря в стакане*, *быть на мели*, *найти тихую пристань* и др. Названные коды являются базовыми, с их помощью может быть объяснен механизм многих тропов – метафоры, метонимии, олицетворения и др. Эти коды универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. А сама культура выступает как совокупность различных кодов. Коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры. Их реконструкция по материалам языка поможет воссоздать особенности восприятия и понимания явлений действительности человеком.

Наиболее древен соматический код культуры, потому что человек начал постигать мир с самого себя. С этого же началась и окультурация человеком окружающего мира. Теперь, на новом витке, человек снова вернулся к самому себе [см. об этом: 6]. Возьмем, к примеру, фразеологизмы с соматизмом *палец*: *высосать из пальца* (выдумать), *смотреть сквозь пальцы* (намеренно не замечать), *обвести вокруг пальца* (обмануть), *палец в рот не клади* (об умеющем дать отпор человеку), *пальцем не пошевелить* (бездействовать), *показывать пальцем* (осуждать). Соматический код сравнительно хорошо изучен и описан [2]. Остальные коды языка почти не изучены.

Получается так, что объекты реального мира, помимо выполняемых ими прямых функций, приобретают в культуре знаковую функцию, т.е. становятся носителями дополнительной информации.

Для чего это нужно человеку? Думается, что человек испытывает онтологическую потребность в непрерывной игре с означаемыми и означающими. Объясняется это не прагматикой, а, скорее, эстетической потребностью. Это особая способность языковой личности.

Следовательно, не только культура, но и язык выступает как совокупность различных кодов. Описание русского языка сквозь призму кодов культуры поможет рельефнее и зримее представить русскую языковую картину мира, а также с иных позиций преподавать язык представителем других культур.

Литература

1. *Бараг Л.Г.* Сюжеты и мотивы белорусских волшебных сказок // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1971.
2. *Гудков Д., Ковинова М.* Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
3. *Красных В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002. – 284с.
4. *Левин-Брюль Л.* Первобытное мышление. – М., 1994.
5. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. – М., 1996.
6. *Маслова В.А.* Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 319 с.
7. *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
8. *Фрейд З.* Тотем и табу. М., 1992.

П.У. Маслянкова (Мінск)

ТЭСТ НА БЕЛАРУСКАСЦЬ ЯК ІНДЫКАТАР ЭТНАКУЛЬТУРНАЙ КАМПЕТЭНЦЫ

Паняцце *культурнай кампетэнцыі*, паводле амерыканскага лінгвакультуролога Эдварда Хірша, азначае ступень сацыялізаванасці і інкультураванасці індывіда, якая дазваляе яму вольна разумець, выкарыстоўваць і варыятыўна інтэрпрэтаваць усю суму ведаў, якія ўвайшлі ў штодзённы ўжытак той ці іншай лінгвакультурнай супольнасці.

Своеасаблівым індыкатарам культурнай кампетэнцыі могуць служыць інтэлектуальныя гульні і тэсты на эрудыцыю. Для даследавання культурнай кампетэнцыі беларусаў матэрыялам паслужылі тэсты на беларускасць аднайменнага праекта “Эўрапейскага радыё для Беларусі” [1; 2; 3], складзеныя з прэцэдэнтных феноменаў, якія пазіцыянуюцца як агульнавядомыя і актуальныя ў камунікацыйным плане для беларусаў.

Сярод прэцэдэнтных адзінак, задзейнічаных у тэстах, пераважаюць **прэцэдэнтныя імёны**. Структура беларускай персанасферы прадстаўлена гістарычнымі асобамі, культурнымі і палітычнымі дзеячамі, мастакамі, спевакамі, пісьменнікамі, а таксама міфалагічнымі і літаратурнымі героямі. Імёны, згаданыя ў тэстах больш за адзін раз, складаюць ядро нацыянальна-прэцэдэнтных імёнаў: Усяслаў Чарадзеі, Рагнеда, Ефрасіння Полацкая, Францыск Скарына, Кастусь Каліноўскі, Радзівілы, Янка Купала, Якуб Колас, Максім Багдановіч, Уладзімір Караткевіч, Кандрат Крапіва, Васіль Быкаў, Рыгор Барадулін, Зянон Пазняк, Аляксандр Лукашэнка.

Асобнае месца сярод прэцэдэнтных феноменаў у тэстах адведзена **прэцэдэнтным выказванням** – гэта цытаты з вядомых літаратурных твораў, песень, выказванняў палітыкаў, палітычных лозунгаў, рэкламных ролікаў. У тэсце прапануецца запоўніць пропускі ў цытатах вершаў са школьнай праграмы, якая з’яўляецца асновай нацыяна-